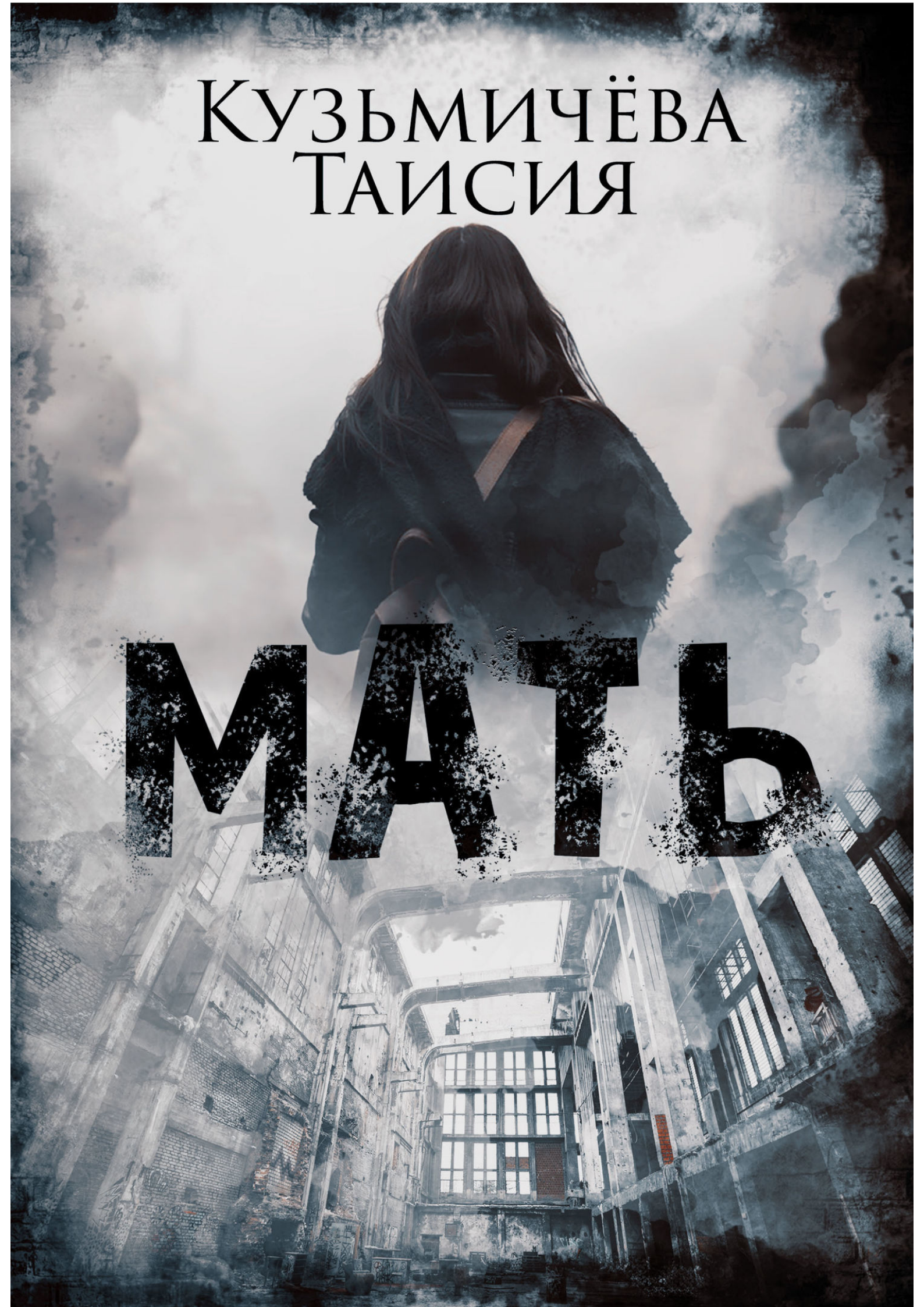

КУЗЬМИЧЁВА
ТАИСИЯ

МАТЬ

Таисия Кузьмичёва

Мать

«МПГУ»

2018

УДК 82-313.2
ББК 4-44

Кузьмичёва Т. В.

Мать / Т. В. Кузьмичёва — «МПГУ», 2018

ISBN 978-5-94845-296-8

2050 год. Разрушенное государство, прошедшее через Становление. Полное обрушение прежних ценностей и прежнего быта. Сломленная молодёжь. На фоне разрушенных городов разворачивается непростая история совершенно простых людей. Цель, преследуемая обыкновенной, такой же, как и все сломленной девушкой – найти пропавшую мать. Другая сторона истории. Потерявшая память девушка, которая пытается найти ответы насчёт своего происхождения. Куда приведут их дороги? С чем им придётся столкнуться на своём пути?

УДК 82-313.2

ББК 4-44

ISBN 978-5-94845-296-8

© Кузьмичёва Т. В., 2018

© МПГУ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Таисия Вячеславовна Кузьмичёва

Мать

© Кузьмичёва Т. В., 2018

Глава 1

– Мужчина мёртв. О девушке ничего не известно. С большой долей вероятности она тоже мертва. Искренне не понимаю, зачем вам эта информация, шеф, – хриплый, прокуренный годами голос отрапортовал своему незримому начальнику.

– Вам и не надо понимать, дорогой друг. Что ж... Возвращаемся. Нужная мне информация получена. Теперь меня здесь ничего не держит, – голос был слегка искажён, поэтому невозможно было узнать, кто говорит – женщина или мужчина.

Вертолёт поднялся в небо и скрылся вдали. Клубы пыли медленно оседали на землю.

* * *

Нежный штрих солнца на горизонте отражался в её карих, словно горький шоколад, глазах. Она держала в своих руках горячую кружку чёрного кофе, который легонько обжигал её губы, однако боль эта была ей приятна. Потягивая напиток, который должен бодрить, но почему-то наоборот клонил её в сон, она смотрела на рассвет. В этот тихий, нежный предрасветный час, перед которым все так прекрасно малы, словно песчинки на побережье перед изумительным синим океаном, она стояла и решала свою судьбу. Девушка обхватила обеими руками горячую кружку и через боль чувствовала своё гулкое и частое сердцебиение в ошпаренных пальцах, после чего резко поставила её на подоконник, проливая капли тёмной, словно буря тревоги в её глазах, жидкости на серую облупившуюся штукатурку. Зябко обхватив себя за плечи, она облокотилась на подоконник, продолжая смотреть на желтеющий горизонт, готовый впустить на небо яркое солнце нового дня.

Каждый раз, стоя так перед окном, она думала о разном, каждый раз рассвет означал для неё что-то новое. Но сейчас она думала не о смысле стихов какого-то теперь слишком далёкого Бродского, не о тщетности её попыток стать в новом обществе чем-то большим, нежели просто обыкновенным рабочим. Сейчас она думала о том, что каждый такой рассвет приближал её к чему-то страшному, пугающему в своей неизвестности и непредсказуемости. Она не знала, что будет потом. Девушка будто выпала из этой реальности последние три месяца. Судорожно вздохнув, она вновь провела руками по плечам, взяла немного остывшую кружку кофе, сделала большой глоток, надеясь, что это поможет прийти к правильному выбору, но уже глубоко в душе понимала, что он, этот сложный, болезненный, страшный выбор сделан. Чёрная тревога, которая плескалась в её глазах, придавала им совершенно иной оттенок; она была уверена, что, увидев её глаза друзья, по их коже пробежались бы мурашки. Это угнетало её ещё больше. Эти три месяца она опасалась поднимать взгляд на людей.

Девушка собралась с последними мыслями, последний раз кинула взгляд на уже брызжущий светом горизонт и пошла в свою комнату, неслышно ступая босыми ступнями по вздувшемуся паркету. Подойдя к импровизированному трюмо, которое состояло из трёх старых зеркал с отколотыми углами и деревянной тумбы, в которой и находились все её немногочисленные вещи, она спешно расчесалась и собрала свои чёрные, словно тот кофе, что остался на подоконнике, волосы в тугий конский хвост. Это открывало черты её лица, но ей было совсем не до собственной красоты. Она натянула на свои ставшие стройными за эти месяцы ноги чёрные брюки, не стесняющие движений. Чёрная майка, чёрные носки, чёрные кожаные кроссовки, которые подходили под любое время года. Девушка везде придерживалась чёрного цвета. Раньше её называли бы «готессой» или очередной депрессивной «страдалицей», но сейчас все старались одеваться в чёрное, будто лелея мечту скрыться от всего в тених унылого города. Далее девушка надела на себя чёрную мантию, которая, казалось, в другой жизни была в моде. Она взяла

старый пистолет, три запасных обоймы, которые могли спасти ей жизнь буквально в любую секунду, коммуникатор и бесценную сейчас справку о том, *кто* она такая. Эту бумажку, которую на первый взгляд не отличить от обыкновенного старого почтового извещения, нельзя назвать документом. Это был своеобразный пропуск в жизнь, пожелтевший и спешно, потому и криво, заламинированный. Вот и всё, что было у неё помимо сменного комплекта одежды, который она быстро сложила в тугий рулон и сунула под руку, придумывая, как ей добраться до нужного места. Накинув на голову капюшон, она кинула последний взгляд на себя, тяжело вздохнула и неслышной тенью выскользнула из квартиры.

Оказавшись на улице, девушка со страхом начала озираться, попутно вдыхая душный утренний воздух, отдававший отнюдь не прохладой, а гарью и пеплом. Не найдя ничего опасного, она вся напряглась и сделала молниеносный рывок в тень другого дома, стараясь находиться на свету как можно меньше. Частые тренировки дали свои результаты: она стала очень быстро бегать, что в это время стало решающим фактором того, будешь ты жить или нет. Оказавшись в тени полуразрушенной многоэтажки, она позволила себе вдохнуть полной грудью. Девушка поднялась на восьмой этаж и нашла свой тайник, который исправно служил эти годы. Она подняла упавшую входную дверь квартиры, под которой красовалась дыра в полу, насквозь проходящая сквозь этаж. Девушка положила в промежутки между плитами одежду, бережно завернутую в полиэтилен. Осторожно, стараясь не издать ни единого лишнего звука, она опустила тяжёлую дверь на место и вновь кинулась вниз по лестнице всё той же неслышной тенью. Когда она снова оказалась на улице, её взгляд привлекло движение около подъезда её предыдущего убежища.

Дряхлая, сгорбленная старуха в чёрных лохмотьях медленно переходила дорогу к дому, где скрывалась девушка, желая, наверно, спрятаться в другом месте. Она постоянно поворачивалась, озиралась, но у девушки всё сжалось от страха, когда она увидела *это* за спиной старухи. Когда же женщина всё-таки почувствовала присутствие чего-то иного сзади, она глухо вскрикнула, медленно повернулась и, понимая, что ничего уже сделать не сможет, рухнула на колени. Мутные желтоватые глаза старухи метались от одной тени дома к другой, отчаянно бегали и всё же неизменно близоруко шурились на то, что преследовало её, и то, что уже никогда не оставит её в покое.

Девушка знала, что разумней было бы ускользнуть, убежать, исчезнуть из этого квартала, но она не могла отвести взгляд. Единственное, что она сделала, – это плотнее зарылась в зеленеющий куст, который не давал *этому* увидеть её. *Это* подошло вплотную к старухе, которая мелко дрожала, и было видно даже со стороны девушки, что она плакала и что-то шептала морщинистыми сухими губами, видимо, молясь давно забытым богам. *Это* остановилось и будто бы ласково взяло старушечье лицо в свои бледные и худые руки. *Оно* наклонилось и посмотрело в её выцветшие глаза. Та конвульсивно задёргалась, хрипло закричала и упала навзничь. Предсмертный крик женщины нарушил установившуюся тишину и ещё долго, словно теннисный мячик, отскакивал от стен ближайших домов.

Это довольно ухмыльнулось, убирая лживую нежную улыбку с губ, отряхнуло руки, которые потом заложило за спину, оглянулось вокруг. Когда *его* взгляд проскользнул по месту, где спряталась девушка, у неё всё сжалось, и слёзы, которых она не позволяла себе уже много лет, крупными каплями полились на сухую землю. Девушка спешно зажала рот рукой, чтобы не издать судорожный всхлип. *Это* посмотрело вокруг снова и направилось в противоположную от девушки сторону. Она билась в рыданиях, в страшной истерике, выкатывая до боли глаза, из которых нескончаемым потоком катились слёзы, но всё так же не издавала ни звука. Лишь когда *это* скрылось за домом, она бессильно опустилась на землю. Воспоминания полноводной рекой лились в её сознание, преодолевая все барьеры, которые она ставила, чтобы они не вырвались. Яркими картинками, ощущениями, запахами они заполняли всю её голову. Потеряв счёт времени, она пролежала на земле, борясь с ними и хрипло нашёптывая отрывки

фраз, которые проскальзывали в её воспоминаниях. Когда она наконец прогнала наваждение, её спина была мокрой от холодного и липкого, словно старый бульон, пота, а всё тело окоченело и застыло. Выглянув из своего укрытия, она заметила, что на небе не было ни облачка, а солнце стояло высоко в зените. Она с разочарованием поняла, что провела в полубессознательном состоянии около трёх часов, однако была рада, что пытка прошлым всё-таки кончилась. Девушка стряхнула комки грязи со своей одежды и с грустью подумала, что некогда чистую мантию придётся снова стирать. Однако складки ткани, испачканные в пыли, теперь походили на камуфляж, столь дорогой в это время.

Девушка встряхнулась и постаралась выкинуть из своей головы лишние эмоции. После недавней атаки она с трудом восстановила то хрупкое состояние своей души, в котором для неё существовал только холодный расчёт.

Вновь девушка стала тенью и начала передвигаться по вымершему городу, который выжигало не только жаркое июльское солнце, но и существа, которых у неё язык не поворачивался назвать «людьми». Сосредоточенно она перебегала по дворам и закоулкам, держа в поле зрения все места, в которых могли спрятаться, затаиться эти существа, несущие всему миру несчастье, голод и смерть. Как бы девушка ни старалась, она не могла выкинуть из головы ту картину, которая постоянно всплывала перед её глазами. Старуха, повидавшая на своём веку и войны, и перестройку старого мира, и Становление Нового мира, лежала навзничь на раскалённом асфальте бульвара, а вдаль уходило прекрасно-смертоносное существо.

Как бы не были опасны существа нового мира, главной опасностью, главной бедой и угрозой всегда был, есть и будет человек. Высасывая жизни, все силы и душу, существа не могли учинить всех тех разрушений, какие потерпел мир. Они не могли бомбить дома, расстреливать детей и стариков, убивать мужчин и брать женщин в плен. Всё это делал простой человек, испуганный и затравленный, будто дикий зверь в лесу, загнанный командой охотников, оживающих, когда же животное обезумеет до конца. Этих существ было мало. Гораздо меньше, чем людей. Но благодаря животной сущности последних их становилось всё меньше и меньше, пока количества практически не сравнялись.

Вот тогда и стал Новый мир. Вот именно в это время старый мир рухнул, как картонный домик, не оставляя ни крохи надежд на восстановление. Новая власть, новый устой, новая культура. Старикам было проще – они наблюдали это раньше, но каково было новому, молодому поколению, которое будто вчера играло в компьютер, гуляло с друзьями допоздна, а сейчас училось разбирать автомат и смешивать коктейли Молотова.

Многие справились, сломали себя, но те, кто не желал подчиняться Новому миру, который забирал все прежние возможности, они... их ждала участь гораздо страшнее, чем просто пасть от выстрела испуганного человека. Они становились *ими*. Этих людей выслеживали, искали и забирали в свои обители. Так *они* набирали свою собственную армию из отверженных, забытых и обозлённых на всех и вся людей. Никто не знал, что с ними делали, что происходило в их змеиных логовах, но человек менялся. Если быть точнее, переставал быть человеком, терял ту важную часть в человеческой душе. Они были слабее, ничтожнее своих покровителей, но они имели свою возможность забирать человеческие души.

...Так человеческая разведка помогла разделить этих существ на классы.

Истинные – те, которые были изначально. Те, которые могли забирать даже сильных людей в логово и пить абсолютно любые души. Самый малочисленный и опасный класс.

Отрепённые – те, которые не пожтели жить в Новом мире и уже переродились. Слабые, ничтожные создания, которые в отличие от истинных могут убивать только слабых, у кого душа ещё не сформировалась или же наоборот на исходе. Особо уязвимы к ним были старики и дети, а также нависшие духом взрослые люди.

И последний класс – отверженные. Те, которые полностью отвергли Новый мир, которые сломались, замкнулись в себе, не желая видеть никого. Они одной ногой в безумстве, другой – в классе отречённых. Отверженных пытались запирали, изолировать, лечить, но всё было тщетно. Человек либо сходил с ума, либо попал в лапы истинных. Так было всегда. Ещё никто не смог вырваться из этого класса. В итоге было решено не относить отверженных к людям. Самый многочисленный класс.

Все силы новой армии брошены на две цели. Первая – истребить истинных. Однако же второй целью было отслеживать и убивать отверженных, дабы они не смогли пополнить армию врага. Всех этих существ назвали койтами.

С этих строк начинались рукописные учебники Нового мира. С младых лет дети этого времени учили их классификацию. Известные учёные, которые ездили, рискуя своими жизнями, вместе с военными, изучали тела убитых отречённых. Или, если военным улыбалась удача, истинных. Их название было довольно странным для слуха, однако весьма понятным. Сначала их называли койтами. Как и койоты, эти существа преимущественно появлялись на равнинах, улицах, шоссе. Очень редки были случаи их появления в лесах. Однако Комитет решил, что для «койотов» они слишком мерзки. Как говорила Канцлер, они не были достойны того, чтобы их называли как-то иначе, нежели «это» или «существо». Однако, невзирая на ярко выраженное презрение Канцлера, совет учёных решил дать существам название «койты», а не «койоты». Отличие в одну букву сначала разозлило Канцлера, однако, смирившись, она разрешила печатникам Конклава начать выпуск учебников с данным названием. «Они недостойны носить название даже такого животного, как койот. Так пусть же они будут лишь его неким подобием!» – эта цитата Канцлера была напечатана как эпиграф к первой главе.

* * *

Неизвестно, почему у девушки всплыли воспоминания об учёбе. Нет, не о тех деньках, когда она вместе с подругами по вечерам делала домашнее задание по ненавистной ей в средней школе химии. Нет, не о тех временах, когда она с друзьями громила столовую в дни рождения, по обычаю взяв стакан с соком, слегка, чтобы никто не заметил, смешанным с водкой, вскакивая на стол и крича во всё горло немного неприличные, но абсолютно искренние поздравления, заставляя тем самым именинников краснеть. Нет, совершенно не то время, когда она, как разгильдяйка, не готовилась к контрольным, принося домой сплошные неуды. Она вспомнила об учёбе Нового мира. О суровых испытаниях, которые определяли будущую судьбу. До того, как она решила бежать из селения, она была обыкновенной восемнадцатилетней девушкой, которая впервые держала в руках автомат, стоя над старой партой в импровизированном классе, где каждому на руки выдавался кривой печатный учебник. Этот учебник, состоявший всего из трёх глав, был обязан сохранить жизнь неокрепшему подорванному поколению, а также поколению Нового мира. Однако весь этот учебник первое время лишь невероятно бесил девушку, как и всех, кто находился на грани существования между Человеком и Отверженным. Резко оборвавшаяся «нормальная» жизнь подкосила её, впрочем, как и всех девушек и юношей её возраста.

«Стой».

Девушка замерла на углу очередного дома и прислушалась к интуиции. Тяжело выдыхая, она повыше подняла ворот мантии, чтобы приглушить своё громкое дыхание. Однако сама знала, что тяжёлое дыхание вызвано отнюдь не долгим и рваным бегом. Само подсознание говорило ей: *«Стой! Остановись! Не вспоминай!»*. Она и так позволила себе слишком много вспомнить.

Рухнувшая и превратившаяся в груды ледяных осколков стена, державшая все опасные воспоминания под замком, до крови колола босые ноги внутренней *Её*. Она, совершенно не замечая, как мелких, так и довольно глубоких кровотокающих ран на бледных, синеватых от извилистых ниточек вен ногах, легла на осколки и начала смотреть сквозь них на слепяще-белое солнце. И видела внутренняя Она разные яркие, красочные и несомненно болезненные эпизоды *той* жизни, которая была под запретом долгие четыре года.

Сама девушка давно опустилась на горячий асфальт, оставаясь на открытой местности, хоть и в глубокой тени полуразрушенного дома. Она цепко схватила мантию на уровне сердца, сжав ткань в кулаке, очевидно, пытаясь устранить оглушающую боль, от которой кровь гулко стучала в ушах и в каждой клеточке тела, словно неслышная, но сбивающая с ног сирена. Она упала на колени и опёрлась рукой о дорогу, всё ещё держась за ткань. Остатки ледяной стены таяли под жгучими слезами, оставляя после себя всё те же больно ранящие осколки.

Внутренняя перебирала в руках особо крупные части стены, словно не обращая внимания на мелкие порезы и кровавые разводы на кристально чистом льду. Причудливо скатываясь по влажной поверхности, багряные капельки падали на белый холодный пол, тут же превращаясь в маленькие красные шарики, без усталости катившиеся по гладкой поверхности. Белое и воздушное, словно сотканное из ветра, платье легко колыхалось на ветру, показывая запачканные в крови участки ткани. Спина *Её* кровоточила от впившихся в тонкую кожу болезненных воспоминаний. Усиливавшийся ветер колыхал *Её* чёрные растрёпанные волосы, и те метались по холодному полу под звон красных шариков. Платье *Её* развевалось с большей силой. Словно что-то, *или кто-то*, не желал *Её* присутствия здесь. Резкий поток холодного воздуха поднял внутреннюю, и та прогнулась в спине, припав на колено, тут же покрывшееся сеткой красных порезов. Порыв. Порыв. Порыв. Скользя красными от крови ступнями по белоснежному полу, оставляя за собой длинные следы, внутренняя оказалась за обломками стены, которая, словно по мановению чьей-то руки, снова восстанавливалась. Выдворив *Её* за грань воспоминаний, «рука» достраивала ледяной монолит рассудка. Когда же, добравшись до грани, Она дотронулась до болезненно холодной стены, та отозвалась глухой предостерегающей дрожью. Грудная клетка *Её* слегка дрогнула, и Она, опустившись на пол, свернулась в комочек в бесконечном ожидании.

– Очнись же! – неясный голос пробирался сквозь серый туман апатии. – Чёрт бы тебя побрал, Нона, прекрати! Ну же, родная, очнись!

Высокая седая девушка оттаскивала другую от открытой местности к углу крыльца. Бережно облокотив ту на грязную стену лестницы, девушка взяла лицо Ноны в руки и начала что-то тихо и нежно шептать, иногда убирая выбивавшиеся пряди с лица. Когда же та всё-таки приоткрыла слипшиеся от нескончаемого потока слёз глаза, девушка шумно выдохнула.

– Ты снова шарилась по площади, Вив? – охрипший от частого дыхания голос разрушил тишину. Нона чётко почувствовала мятное дыхание подруги, а значит, та снова искала по заброшенным, но не менее опасным магазинам жвачку.

– Я жива, и это главное, – Вив заправила короткую волнистую прядь за ухо, легко улыбнулась. По одним только глазам её было видно, что девушка безумно счастлива видеть свою подругу в сознании, живую и почти невредимую.

– Надеюсь, так будет всегда, – отговаривать Вивиен от опасного блуждания по разрушенным магазинам было бесполезно, и, болезненно улыбнувшись, Нона приняла поданную Вив руку, с побряхтыванием поднимаясь с земли. Девушка спешно отряхивала свою одежду и приводила себя в порядок.

– Мы слишком долго здесь находимся, Вив, слишком долго. Солнце идёт на закат, а путь неблизкий, – перевязывая хвост, заявила девушка. Вивиен и сама это прекрасно понимала. Поэтому, не обращая внимания на бурчание подруги, внимательно изучала потрёпанную карту.

История этой карты запутанная и долгая. Пожалуй, она была старше Вив вдвое. Её штопали бесчисленное количество раз: где-то торчал скотч, где-то – кусочки засохшего клея. Названия улиц и мелкие дороги почти выцвели, однако девушки старательно поддерживали их, подкрашивая найденными гелевыми ручками.

Неизвестно, кто был первым владельцем этой карты: возможно, это была семейная пара, которая по выходным выезжала в супермаркет. В детстве, будучи в средней школе, Вив часто разглядывала эту старую карту и выдумывала многочисленные истории о ней. Однажды она выдумала, словно эта карта принадлежала великим ворами, которые совершали грандиозные кражи. Как они впопыхах разворачивали старую бумагу, случайно надрывая края, смотрели свой следующий путь и так же спешно сворачивали обратно. Однако с возрастом она поняла, что в её старом Молайне воровать было нечего. Скучный маленький городишко населением в пятьдесят тысяч человек. Только вот маленький размер города не помог ему спастись от бомбардировок. Пара бомб, всё-таки угодившая в город, снесла почти треть зданий, заживо погребя под собой больше половины населения. Вив лучше контролировала себя, но даже ей становилось дурно от воспоминаний Становления. Девушка внимательно изучала их следующий путь, а Нона стояла рядом, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

– Так ты, оказывается, больше не презираешь коммуникатор? – с иронией спросила Нона у своей подруги.

Коммуникатор был их гарантией относительной безопасности. Найденные ещё до побега в каком-то магазине электроники, они были преобразованы во что-то вроде маячка их другом-механиком. Ещё до Становления он неплохо разбирался в компьютерах, поэтому ему не составило труда сделать то, что просили две странно отрешённые девушки. Теперь при хорошей погоде каждая из них могла отследить положение другой на маленьком экране. Отличительной чертой их коммуникаторов было то, что их сеть была личной – никто иной из механиков не сможет отследить беглянок.

– Ты никогда не опаздываешь, – сказано это было с горечью. Оставшись наедине с враждебным миром, Нона была для Вив чем-то вроде спасательного круга в бескрайнем океане. Лишь только при её поддержке Вив оставалась собой. Порой ей казалось, что если бы не Нона, то она сама бы пошла в логово койтов, на верную смерть.

– Прости.

– Снова приступ? – приступы такой апатии для Ноны были болезненной нормой. В последнее время она лучше себя контролировала, но какие-то ситуации всё равно выбивали девушку из колеи.

– Я встретила с койтом, – только произнесла последнее слово, Нона поняла, что сделала ошибку. Сейчас Вив снова будет переживать, а, возможно, и ругать за неосторожность.

– Надеюсь... ты сразу убежала оттуда, Нона, – в голосе Вив звучала сталь, но всё же он дрогнул, выдавая волнение.

– Меня вырубил, Вив, ты же знаешь. Мне на секунду показалось, что он смотрел прямо на меня. И тут... нахлынуло. Повезло, что я пришла в себя в безопасном месте. Но эта, кхм, встреча подорвала меня. Обещаю, что больше постараюсь не падать в обморок, – сказано это было весьма странно – сбивчивые оправдания сильно путались.

– Это хорошо, а то мне слегка поднадоело вытаскивать тебя из передрыг, – для чужого эти слова показались бы грубыми, но Нона ясно слышала сквозящую сквозь сарказм и скептическое хмыканье заботу.

Девушки переглянулись, и на их лицах расплылись улыбки. Вивиен свернула карту, накинула капюшон чёрной пыльной толстовки и пошла вперёд, слегка пригнувшись и показывая подруге следовать за ней.

Путь был действительно неблизкий, но Вив нашла кратчайший и относительно безопасный маршрут. Молайн был и вправду скучным городом, где все улицы были похожи ровным

строим одинаковых частных домиков. Лишь в центре были многоэтажки, где и находилось главное поселение выживших Молайна. Двигались Вив с Ноной к их старой школе. Ими отнюдь не двигало чувство ностальгии. Будь их воля, они бы вообще не сбегали из поселения и не перемещались по кишашему врагами городу. Но выбор, тот *выбор*, был сделан. Они должны были попасть в школу, чего бы им это не стоило.

Когда солнце уже почти зашло, окрашивая небо в необычно розовый цвет и ярко выделяя багровые облака, девушки дошли до своего пункта назначения. За всё время их движения Нону не покидало чувство того, что кто-то неслышно движется за ними, но у неё не было даже предположений о том, кто это мог быть. Не тот же отречённый, в конце концов. У этих существ была совершенно иная тактика. Никогда не скрываясь, они шли напрямик, словно заворачивая своих жертв, усыпляя их и не давая им двигаться. Таким образом они не оставляли ни единого шанса на спасение. Так что Нона, привыкшая следовать здравому смыслу, не придавала своему ощущению никакого значения, хотя где-то в глубине души и понимала, что зря.

Жгучее желание отправить Вив домой, сказав ей, что справится со своей проблемой сама, перемешалось с болезненным ощущением относительного спокойствия при близости подруги. Нона не могла избавиться от чувства, что подвергала Вив напрасной опасности.

– Если ты встала как вкопанная, решая, отправить меня в «безопасное», – Вив скривилась, – место, то ты тратишь зря время. Я втянута в это по самые уши, так что выбирать буду только с тобой, – словно прочитав мысли Ноны, сказала девушка. Бледная рука легла на её плечо и легко его сжала. Девушка слабо улыбнулась Вивиен, однако буря тревоги снова плескалась чёрными волнами в её тёмно-карих глазах. Распрямив плечи, она перебежала дорогу к городской школе Молайна.

* * *

Тяжёлый вдох. Прерывистый выдох. Вдох. Выдох. Лишь шумное дыхание раздавалось в старых стенах заброшенного здания. Бетонная коробка, где когда-то из поколения в поколение передавались знания, пустовала. В мыслях девушек, словно призраки, проносились воспоминания. Вивиен предостерегающе потянула за рукав Нону, когда та наклонилась, чтобы поднять старый лист. Края его были оборваны, а белая прежде бумага покрылась слоем пыли и пожелтела.

– Приглашаем всех на Весенний бал... – хриплым шёпотом прочитала Нона. – Четыре года прошло, Вив. Да, это малый срок, но почему я всё помню так, словно это было вчера? Всё-таки годы... не должны были пройти зря. Почему все воспоминания прежнего мира в разы ярче, чем воспоминания Нового? Так не должно быть... – рука девушки затряслась, и листок печально выскользнул из тонких пальцев, медленно падая на пыльный пол.

Нона приподняла голову и шумно сглотнула, с каким-то страхом в глазах посмотрев на листовку. Зябко поёжившись, девушка обняла себя за плечи и осмотрелась.

Вив знала, что это были риторические вопросы в пустоту, которыми задавался каждый подросток, но оставить монолог подруги проигнорированным она не могла.

– Потому что, чтобы были воспоминания, должна быть жизнь, Нон.

Этих простых слов было достаточно для того, чтобы Нона шумно выдохнула, понемногу успокаиваясь. Да, слова эти были весьма и весьма пессимистичны, но каждый знал, что нынешняя реальность – ни капли не жизнь, а лишь сплошной водоворот событий, разбавленный муторным и однообразным каждодневным существованием. В принципе, как и прежде, однако тогда, давно, этот водоворот событий не уносил стабильно за собой тысячи людских жизней.

Однако Нона была не права. В первую очередь она солгала самой себе. Воспоминания о Новом мире у неё были. Только не те, которые нужно доставать из-за ледяного монолита стены, который спасал её рассудок. Но были и приятные моменты, как, например, разожжённый ею

костёр по инструкции из первой главы учебника. Или встреча с Марком, тем самым чудомехаником. Их совместные посиделки в мастерской. Да, приятные воспоминания были, но всё-таки старый мир был куда желаннее Нового. Нона неприятно ухмыльнулась.

– Нам нужно идти. *Он* где-то здесь, – сказано это было с дрожью в голосе, но Нона сделала вид, словно ничего не было. Вивиен печально покачала головой и последовала за подругой.

Перейдя в другое крыло, девушки замедлили шаг. Вивиен достала из ножен массивный охотничий нож, а Нона зарядила пистолет. Вспоминая «учёбу», девушки встали в стойки и стали медленно продвигаться по коридору, который вёл прямо к кабинету директора.

Цель у них была одна: Клаус Кёлер, один из приверженцев популярной пару лет назад секты. Нона мимолётом вспомнила, как она сетовала тогда: «Проблем нам только не хватает! То налёт койтов, то бомбардировка. А тут ещё секта! Не внешне, так внутренне нас истребить хотят?» Идеология их была проста: вернуться к старому миру. Они пропагандировали выходить из поселений, находить свои старые дома и жить там, словно ничего не произошло, правда, предварительно заколотив все окна и двери. Сектанты буквально призывали к самоубийству – в одиночку в Новом мире не выжить. Большую их часть заперли в импровизированных тюрьмах, остальные же скрылись в Молайне. Однако Клаус был нужен девушкам не для того, чтобы вершить «правосудие», а для получения нужной им информации.

Медленно двигаясь к концу коридора, где за поворотом находился нужный им кабинет, девушки заметили нечто странное. Нечто, что совершенно не подходило к унылому интерьеру заброшенной школы. Резкий металлический запах уже подсохшей крови внезапно накрыл их с головой. Девушки переглянулись, в их глазах стоял один и тот же немой вопрос. Всмотревшись, Нона заметила кровавые подтёки на полу, прямо около поворота. Кивнув Вивиен, девушка ускорила и, припав к стене, держа пистолет наготове, выглянула за угол. То, что она увидела, ошарашило её. Нона сразу отвернулась, зажмурилась и крепко зажала рот рукой. Вив догнала подругу и, обеспокоенно поглядывая на неё, тоже выглянула, держа на всякий случай нож прямо перед собой. Ей предстала ужасающая картина.

Распахнутая дверь кабинета всё норовила захлопнуться. Ей мешало мёртвое тело, уже окоченевшее. Из-за жары оно начало издавать сладковато-приторный трупный запах, тут же вызывающий тошноту. Запах запёкшейся крови, старой бумаги, пыли и смерти смешивался в смрад, вызывающий у девушек печальные воспоминания, связанные с мертвецами.

Вив дёрнула головой, отгоняя наваждение, и крепко сжала худой рукой плечо подруги, которая спешно искала успокоительное в поясной сумке. Почувствовав крепкое сжатие и холод руки сквозь ткань мантии, Нона резко замерла, перевела бегающий взгляд на Вив и медленно выдохнула. Девушки вышли из-за угла и, преодолевая брезгливость и, казалось бы, неуместное любопытство, склонились над мертвецом.

Тусклые серые глаза его были широко распахнуты, ясно очерчивая глубокие морщины на лбу и веках. Седые, но ещё чернеющие клочки волос потеряли весь свой цвет и безжизненно торчали на висках; прилизанная чёлочка, раньше прикрывающая лысину, безвольно откинулась. Полный кривых жёлтых зубов рот был широко открыт. Кожа, сохранившая следы былой полноты, похожа на мятый пергамент. Но самое главное, что удивило, даже напугало девушек, – это маленькая аккуратная дырочка в центре лба, завершающаяся на затылке огромной дырой, в месиве которой, если повернуть голову, видны осколки черепа и мозг.

– Снайпер, – голос Вивиен был тускл, как глаза Клауса.

– Не похож на простого обывателя, – обычно серьёзная, хладнокровная Нона теперь напоминала выжатый лимон. Синяки под глазами стали ещё темнее, а кожа – блее. Она брезгливо повернула пальцем голову.

– В любом случае, у нас мало времени. Скоро стемнеет, а этот, – Вив, вставая с корточек, пнула носком сапога труп, – окочурился недавно. Часа четыре назад, не больше.

Нона встала следом, отряхивая руки.

– Откуда знаешь?

– На глазах пятен трупных нет, сама посмотри. Если хочешь, конечно, – Вив ухмыльнулась.

– Нет, спасибо. У него автомат... Не хочешь прихватить?

Вивиен заинтересованно обернулась, отвлекаясь от перетаскивания ног Клауса. Она недоверчиво порыскала глазами и увидела, что автомат отброшен за дверь. Это насторожило девушку, однако Вив взяла его за ляжку и, проверив магазин, закинула на плечо. Это был добротный старый Калашников с практически полной обоймой. В кого-то старый сектант всё-таки успел всадить пару пуль. Однако в снайпера попасть он не мог, а следов борьбы не наблюдалось. Значит, угроза была иной. Вив ухмыльнулась своей «умопомрачительной» логике и отложила размышления на лучшее время.

Девушки оттащили Клауса от двери и вошли. Просторный кабинет был освещён лишь закатным солнцем, свет которого проникал в помещение через большое окно прямо напротив перевернутого деревянного стола. Вивиен потёрла худым пальцем нос и, хмыкнув, отправилась к шкафу с книгами, однако Нона тихо окликнула её и указала рукой на окно. Сначала девушкам не бросилось в глаза пятно на стекле, но теперь они видели, что на нём что-то есть. Переглядываясь, девушки подошли ближе. То, что они обнаружили, разбудило в них довольно противоречивые чувства. Нона заулыбалась и даже слегка припрыгнула, хлопнув в ладоши, то и дело оборачиваясь на подругу и бормоча:

– Кто бы мог подумать, Ви-ви! Кто бы мог подумать...

Нона подошла к раскладному стулу и взяла заряжающийся ноутбук. Старый, потёртый ноутбук, который, возможно, принадлежал ещё старшему поколению. Он заряжался на уже более новых солнечных панелях, которые крепились к окну, чтобы получать больше солнечного света. Пока Нона загружала старую технику, на которой с большой вероятностью есть важная информация, Вив любовалась преобразованием своей подруги: та раскраснелась, на её впалых щеках появился румянец, а в глазах – столь любимая ей искорка. Удивлённо-умилённая улыбка не сходила с её губ.

Девушки вместе сели на старый выцветший ковёр и хотели уже было посмотреть, что находилось в файлах на рабочем столе, однако раздался громкий стук двери.

* * *

Хлопок был как гром среди ясного неба. Лица девушек вытянулись. Они быстро переглянулись. Вивиен схватила сумку для ноутбука и стала складывать солнечные панели. Нона выключила ноутбук и быстро вскочила, осматриваясь в поисках чего-либо, что могло им понадобиться. Заметив в углу рюкзак, она молниеносно к нему метнулась и начала рыться. Пара обойм, чистые футболки, маленькая аптечка, топорик, спички, учебник, какая-то книга и папка. Закинув на плечо рюкзак, Нона рывком двинулась к Вив, которая, сложив ноутбук, спешно срывала со стены карту Молайна.

Хлопок раздался вновь.

Вив быстро глянула в окно и увидела, что кусты почти не шевелятся. Отметая вариант сквозняка, девушка сразу же порывисто забрала рюкзак у подруги и отдала сумку с ноутбуком. Устраивая поудобнее автомат, она приложила узловатый палец к губам. Нона кивнула и пошла вслед за подругой. Медленно они вышли из кабинета. В установившейся тишине было слышно тяжёлое дыхание. Шаг, шаг, шаг. Вдох, выдох. Судьба девушек висела на волоске: это мог быть убийца Клауса, это могло быть то, с чем боролся старик до этого, а, быть может, это был отверженный в поисках логова. Мысли роились в голове Ноны. Пульс постепенно уменьшился. Ноутбук с солнечными панелями сильно оттягивал руку: ремни сумки до боли врезались во влажные и холодные ладони. Однако Нона чувствовала лишь холод пистолета и неприятный

прохладный пот, катящийся по спине. Резкий поворот. За углом в коридоре никого не оказалось. Вивиен и вправду решила, что дверью хлопал ветер. Она даже отняла щеку от потеплевшего приклада.

Силуэт.

Зрачки резко расширились. Мягкий удар приклада о выпирающие скулы. Нона, прищурившись, присела на колени и прицелилась. Однако человек, стоящий в конце коридора, был последним, кого они ожидали увидеть.

– Марк?.. – Нона, приподнимаясь, удивлённо прищурилась. Разглядев виновато машущего парня, девушка негромко взвизгнула.

– Марк!

Оставив сумку на полу, она помчалась к другу, размахивая пистолетом, отчего стоявшая в ступоре до этого Вивиен начала с опаской наблюдать за дулом заряженной беретты.

Раздалось сдавленное «уфф». Нона повисла на шее парня, то и дело вытирая скупые слёзы то ли облегчения, то ли счастья.

– Ты сегодня очень эмоциональна, Нони, – улыбнувшись, прошептал Марк. Девушка отстранилась, прыснула и потрепала парня по светлой макушке.

– Сомнительный комплимент. Даю вам ещё одну попытку, молодой человек.

Марк устроил подбородок на макушке Ноны и надул щеки.

– А мне нравится. Привет, Вив! Всё такая же цинично-холодная королева?

Вивиен положила рюкзак и ноутбук на пол и легонько толкнула Нону в сторону. Девушка, предвкушая, снова хмыкнула, отошла и почти сразу же услышала рык подружки. Та с кулаками набросилась на друга, явно намереваясь устроить драку. Марк шутливо отбивался и всячески всё обращал в шутку. Под конец причёска Вив растрепалась. На её щеках выступил румянец, на котором стали видны незаметные до этого веснушки. Серые пряди торчали во все стороны, а в глазах плясали смешинки. Нона снова задумалась, красила ли Вивиен волосы. Со стороны выглядело так, словно девушка и впрямь седая до корней, однако ей было всего двадцать три. Хотя, подумала Нона, кто из них не испытывал такого, что можно поседеть? Во время размышлений она не заметила, как Вив и Марк уже начали весело смеяться над чем-то несурзным. Нона тоже засмеялась, и все чувства её постепенно сглаживались, смягчались, переставали напоминать оголённые нервы. Полный контроль вернулся. Осталось только отдохнуть.

– Девчат, вы, конечно оч-чень логичные. Сейчас мы, может, и одни... Но вы не подумали, что тут, возможно, ошивается кто-то из секты? Или какие-нибудь бродяги? – Марк скептически хмыкнул.

Девушки переглянулись, вспомнив про труп Клауса. А ведь Марк был прав. Убийца мог быть в здании, а они так глупо начали шуметь.

– Ладно, сейчас это уже не важно. Пойдём на улицу, ребят, там закат. Будет посветлее, чем здесь.

Марк согласно кивнул и, подхватив рюкзак, протянул сумку с ноутбуком Ноне.

– Надеюсь, там будет то, что ты ищешь, – он мягко улыбнулся, и в неверном свете приближающихся сумерек блеснули его белые зубы.

Вообще гигиена в Новом мире была не принципиальна. Либо ты моешься, либо твоя вода достанется другому. Но было видно, что Марк действительно следил за собой. Чего только стоили его шелковистые пшеничные волосы.

Нона улынулась в ответ, и они вместе вышли из здания. За домами виднелась оранжевая полоска – единственный источник света. Небо словно подёрнулось розовой пенкой, которая нежно рассеивалась в иссиня-чёрном небосклоне. На тёмной части неба уже нежно поблёскивали первые звёзды. И ничего уже словно не могло испортить красоту, если бы не многочисленные столбы дыма, чернеющие на горизонте. В любом, каким бы он ни был красивым, вечере помимо красоты всегда будет горечь пепла.

Выйдя из школы, ребята вдохнули полной грудью прохладный вечерний воздух, наполняя лёгкие гарью и бетонной пылью. Однако с приходом лета стало пахнуть ещё цветами и зеленью, что пробивалась на свободных участках земли. Вздохнув, Нона положила сумку на гранитный поручень, вытащила ноутбук и нажала на кнопку включения. Компьютер начал загружаться, мерно жужжа и пиликавая.

– Как друг, я должен отвести вас в поселение... – внезапно начал Марк, – но как лучший друг, я спрошу: куда вы собираетесь дальше?

Вивиен, неизвестно отчего занервничав, достала из поясной сумки резной, видимо, в прошлом дорогой мундштук, пачку вишнёвого Ричмонда и отошла покурить. Нону всегда поражало умение подруги находить сигареты. Все четыре года, что они дружат, Вив всегда при хорошем куреве.

Девушка проследила за движением подруги, нахмурилась и повернулась к Марку.

– Надеюсь, сейчас узнаем.

Компьютер загрузился, и ребятам предстал рабочий стол с двумя текстовыми документами и тремя картинками. Нона щёлкнула по первому изображению. На нём было только два символа: цифра пять и стрелка, указывающая вправо. Она озадаченно свернула окно и открыла следующую картинку. Это оказался пронумерованный алфавит. Нона хотела уже перелистнуть на следующее изображение, но Марк вдруг положил ладонь на её руку и сам начал двигать мышкой. Нона снова покраснела; она почувствовала тепло его руки, и у неё вдруг появилось ощущение, что она покраснела до корней волос. «Слава богу, что здесь темно!» – подумала девушка.

– Ну-ка, подожди... так... так... ну конечно! Нет, ну это смешно! Будь я девушкой, я бы обиделся.

Нона с возмущением взглянула на друга. Марк лишь засмеялся и, приобняв девушку, стал пояснять эту, казалось бы, сложную загадку.

– Смотри, вот текстовый документ...

– Тут полная чепуха, – в голосе девушки сквозил скепсис.

– Я-я... бы так не сказал. Это зашифрованный текст. А вот это, – он открыл файл с цифрой и стрелкой, – код.

Марк увидел, что Нона саркастично подняла бровь, и закатил глаза.

– Это простейший шифр, Нони, шифр Цезаря. Ты хоть помнишь, кто такой Цезарь?

Парень засмеялся и стиснул спину девушки, получив от неё удар в бок.

– Ну, существует алфавит. И установка. Вот в нашем случае сдвиг на пять букв вправо.

Нона задумалась и поняла, что даже если она и знала что-то об этом, то давно забыла. Зато она помнила Цезаря.

– А теперь, – Марк закрыл картинку с шифром и открыл текстовый документ, – смотри. Вот слово «теьеру». Подставь буквы из алфавита, только размещённые на пять позиций влево, то есть расшифруй.

Ноне понадобилось секунд двадцать.

– «Новое». Поняла.

– Вот и умничка. Но, если честно, код простейший. Несолидно как-то. А возможно, человек, которому прислали этот текст, просто тупой, вот ему и полегче что дали.

Марк перестал стискивать Нону и отошёл.

– Хэй, Вив, хватит дымить, иди сюд...

Но Марк не договорил. Примерно в трёх кварталах раздалась автоматная очередь и душе-раздирающий крик. Сразу же с этим солнце полностью зашло за горизонт. На потревоженный город опустилась ночь. Где-то надрывно завывала одичавшая собака.

Вивиен затушила огонёк сигареты и спешно убрала мундштук. Марк захлопнул ноутбук и запихнул его в сумку, которую, не закрывая, всучил Ноне. Парень сделал жест, чтобы все пригнулись, и в такой позе позвал девушек за собой.

Ребята, пытаясь быть как можно более незаметнее, стали медленно спускаться по лестнице. Свернув за один из домов напротив школы, Марк отошёл к тёмному углу двора. Парень приложил палец к губам и подозвал Вивиен. Он взял её руку, настолько бледную, что в темноте она словно светилась, и положил на твёрдый предмет, сначала незаметный в тени дома. Девушка нащупала какую-то ткань и, по сигналу друга, подняв её, тихонько положила на землю.

Девушкам предстал поистине древний механизм: ещё, по-видимому, заправочный мотоцикл с коляской. Все машины, что остались ко времени Становления, к 2046 году, были заряжаемые. Уже очень давно появились автомобили, работающие «от зарядки», но понадобилось несколько десятилетий, чтобы полностью отказаться от бензина, перейдя на экологическую электроэнергию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.